

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Колосова С. Н.*Московский центр качества образования**105318, г. Москва, Семёновская пл., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать особенности индивидуального авторского стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, реализовавшегося в сказках писателя.

Процедура и методы. Формирование целостного представления об индивидуальном стиле художника – стратегическая задача любого филологического исследования. Вслед за известными филологами начала XX в. А. Ф. Лосевым и П. Н. Сакулиным под индивидуальным стилем традиционно мы понимаем органичное сочетание формы и содержания, воплощённое в художественных произведениях. Жанровое и тематическое своеобразие текстов, особенности выбора героев и способов их создания, использование аллюзий, с одной стороны, и воплощение философской картины мира автора при помощи этих средств – с другой, позволяют определить стилевую уникальность писателя. Силевая оригинальность сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина формируется с опорой на фольклорную сказочную традицию, а также на традицию басен И. А. Крылова и приёмы сатирического изображения, использовавшиеся Н. В. Гоголем. В работе рассматриваются три группы сказок, условно распределяемых в зависимости от образной системы и жанровой специфики произведений. В основе филологического анализа текста сказок лежит работа с внутренней формой слова. Этот базовый принцип рассмотрения художественного произведения был сформулирован ещё А. А. Потебнёй.

Результаты. В процессе анализа наиболее известных сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина рассмотрено семантическое наполнение образов героев, раскрыты средства их создания, выявлены основные мотивы произведений, формирующие авторскую позицию, а также разобраны отдельные библейские аллюзии, расширяющие художественное содержание произведений. Проведённый анализ позволил раскрыть основные черты авторского стиля, проявившиеся и в особенностях жанра сказки, и в использовании и трансформировании русской сатирической традиции, и в выраженном трагическом мировоззрении писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит, с одной стороны, в выявлении отдельных черт индивидуального стиля сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые характеризуются особым сочетанием фантастического и реалистического, обличительной метафоричностью в создании образов, карикатурностью в портретировании пороков общества, афористичностью формы, горькой иронией, отражающей боль автора за современную ему действительность. С другой стороны, материалы исследования могут быть полезны в работе учителя-словесника, призванного раскрыть мир Щедрина-сказочника на уроках литературы.

Ключевые слова: авторская ирония, аллюзия, жанр сказки, индивидуальный стиль, мотив, сатира, фольклорная традиция

STYLISTIC ORIGINALITY OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S TALES

S. Kolosova*Moscow Center for the Quality of Education**pl. Semeonovskaya 4, Moscow 105318, Russian Federation*

Abstract

Aim. We study the peculiarities of M. E. Saltykov-Shchedrin's individual style in his fairy tales.

Methodology. The formation of a holistic view of the individual style of an artist is a strategic task of any philological research. Following famous philologists of the early XX century like A. F. Losev and P. N. Sakulin, by an individual style is traditionally meant an organic combination of form and content embodied in works of art. The genre and thematic originality of the texts, the peculiarities of the choice of characters and ways of their creation, the use of allusions, on the one hand, and the embodiment of the philosophical picture of the author's world using these means, on the other, allow one to determine the stylistic uniqueness of the writer. The stylistic originality of M. E. Saltykov-Shchedrin's tales is formed based on the folklore fairy tale tradition, as well as on the tradition of I. A. Krylov's fables and the techniques of satirical depiction used by N. V. Gogol. The paper considers three groups of fairy tales, conditionally characterized depending on the figurative system and genre specifics of the works. The philological analysis of the text of fairy tales is based on the work with the inner form of the word. This basic principle of considering a work of art was formulated by A. A. Potebnya.

Results. In analyzing the most famous fairy tales by M. E. Saltykov-Shchedrin, the semantic content of the characters' images is considered, the means of their creation are revealed, the main motives of the works that form the writer's position are described, and individual biblical allusions that expand the artistic content of the works are analyzed. The analysis made it possible to reveal the main features of the author's style, manifested in the peculiarities of the fairy tale genre, in the use and transformation of the Russian satirical tradition, and in the writer's expressed tragic worldview.

Research implications. The theoretical and practical significance consists, on the one hand, in identifying the features of the individual style in M. E. Saltykov-Shchedrin's tales, which are characterized by a special combination of fantastic and realistic ideas, as well as of an accusatory metaphor in creating images, a caricature in portraying the vices of society, an aphoristic form, and bitter irony reflecting the pain of the author for the contemporary reality. On the other hand, the research materials can be useful in the work of a literature teacher who reveals the world of the storyteller Shchedrin at literature lessons.

Keywords: author's irony, allusion, fairy tale genre, individual style, motif, satire, folklore tradition

Введение

А. Ф. Лосев называл авторский стиль «подлинным ликом художественного произведения» [7, с. 207], а П. Н. Сакулин, характеризуя понятие стиля, утверждал, что в него «входят особенности как поэтической формы, так и поэтического содержания» [12, с. 149], но всё же стиль – это прежде всего «психоидеология писателей» [12, с. 149], т. е. именно мировоззрение художника определяет не только проблемно-тематическое наполнение произведений, но и весь выбор художественных средств выражения. Такой подход к пониманию авторского стиля получил распространение во многих трудах и прочно вошёл в практическое литературоведение при исследовании творчества самых разных художников слова. Многие современные учёные (Ю. И. Минералов, С. А. Васильев, Г. Ю. Завгородняя, А. А. Кудряшова,

А. Е. Секриеру, О. Г. Третьякова и др.) в своих исследованиях опираются **на концепцию стиля**, предложенную П. Н. Сакулиным ещё в начале XX века.

Исходя из данного определения, своеобразие авторского стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина состоит в парадоксальном, на первый взгляд, сочетании приёмов комического, последовательно используемых в создании произведений, с трагичностью мировосприятия писателя. В обобщении стиливых особенностей писателя на примере анализа его сказок и состоит **новизна исследования**.

Интерес к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина незаслуженно снизился в последнее десятилетие, хотя отдельные исследования, безусловно, заслуживают внимания. Так, в работе О. А. Лардыгиной рассматривается тема одиночества в художественном мире сатирика [6], что, безусловно, раскрывает один из важнейших аспектов

формирования индивидуального стиля писателя. А в монографии Р. А. Кулашкиной, О. М. Култышевой, посвящённой жанровой специфике «сказок для взрослых», напротив, полемично декларируется исключительно внешняя, политическая направленность сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина [5]. С этим трудно согласиться, т. к. в произведениях писателя отражается прежде всего личная трагедия переживаний несовершенства мира и общества, то, что и позволяет исследователям говорить о «горькой сатире» автора. Однако безусловно можно согласиться с утверждением, что «сказки Салтыкова-Щедрина в миниатюре содержат в себе проблемы и образы всего его творчества» [5, с. 72].

Особенности сюжетосложения произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, зависимость сюжета от выбора жанра становятся предметом исследования Н. В. Радионовой [11], что также позволяет уточнить стилистический портрет писателя. В статье А. А. Кудряшовой наиболее полно раскрыто стилистическое своеобразие автобиографической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина [3], однако черты стиля, нашедшие отражение в сказках, требуют конкретизации.

Своеобразие сказочной традиции

Жанр сказки предполагает в первую очередь вымышленный сюжет или элементы сюжета. Для М. Е. Салтыкова-Щедрина сказка становится не только иносказательным способом показать неприглядную, часто трагическую реальность, но и высмеять её. Не случайно М. Е. Салтыков-Щедрин называет свой сборник «Сказки для детей изрядного возраста», адресуя его именно взрослому читателю, способному не только понять авторскую сатиру, но и проявить свою гражданскую позицию, т. е. сказки носят не развлекательный характер, а сатирический, обличительный.

Создавая свои произведения, писатель опирается и на фольклорную традицию, от которой берёт не только саму форму сказки, сказочные зачины, сказочные сюжеты,

но использует реминисценции на отдельные русские сказки, например, «По щучьему велению», что становится дополнительным аспектом, создающим ироничность авторского стиля. Кроме того, очевидно, что М. Е. Салтыков-Щедрин при создании сказок опирается и на традицию басен И. А. Крылова, используя, подобно баснописцу, эзопов язык для сатирического изображения своих героев. Писатель следует и гоголевской традиции, совмещает гротесковое, сатирическое и лирическое.

Условно сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина можно разделить на три группы: сказки, в которых героями являются люди, сказки, где герои – животные, и философско-лирические сказки, в основе которых лежат евангельские постулаты.

В сказках «Пропала совесть» (1869), «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869), «Дикий помещик» (1869), «Либерал» (1885) героями являются люди. Однако образы героев максимально обобщены, аллегоричны, они олицетворяют пороки не просто человеческие, а характерные для определённых представителей общества. Для характеристики героев важны не столько имена (ими наделены даже не все персонажи), сколько принадлежность к той или иной группе людей: мужики, генералы, помещик, торговец, пьяница, либерал, сведущие люди и т. д. Герои разоблачают себя сами, совершая те или иные поступки. С этой точки зрения интересна позиция Я. О. Гудзовой, делящей героев сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина на хищников и жертв [1, с. 185]. Получается, что в основе сказки лежит не столько сюжет, сколько раскрытие комплекса качеств героя, подлежащих обличению. Автор, по сути, *портретирует*, даже скорее создаёт карикатурные изображения представителей тех или иных социальных групп: «эстетическая категория комического определяется в карикатуре (от итал. caricature – ‘перегрузка’) преувеличенно-насмешливым изображением чего-либо» [4, с. 155].

Часто в сюжет автор включает олицетворение или даже персонификацию того или иного понятия. Так, в сказке «Пропала

совесть» совесть становится сюжетообразующим элементом. В основе сюжета произведения – странствия совести, которой, как оказывается, нигде не находится места. Совесть мешает, портит жизнь всем героям сказки. Выражение «пропала совесть» приобретает многозначность: это и исчезнувшее из мира людей качество, это и погибающее, не находящее нигде пристанища живое существо, это и авторский приговор обществу. Пропажа совести в мире даётся ёмкой метафорой: «в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка»¹. Этим выражением подчёркивается, какое малое значение и звучание имеет совесть в мире, как слаб её голос, и трагичность, с точки зрения автора, как раз в том, что жизнь продолжается без этого голоса совести.

Интересны и множественные именованья совести в сказке, подчёркивающие негативное к ней отношение людей: «надоедливая приживалка», «обличительница», «последняя негодная ветошь», «вопиющее безобразие», «негодная тряпица», «подмётный пасквиль», «бумажка». Странствия совести и, соответственно, движение сюжета обусловлены тем, что никто из героев не хочет оставить совесть у себя, более того, все хотят её сбить тайным образом, потому что становится понятно, что добровольно её никто не возьмёт. М. Е. Салтыков-Щедрин, следуя гоголевской традиции соединять сатирическое, драматическое и лирическое, воплощает это в своей сказке.

Автор показывает, что совесть может найти приют только в детском сердце: «отыщи ты мне маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня в нём! авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведёт, да и в люди потом со мной выйдет – не погнушается»². Авторская позиция состоит в том, что совесть в человеке и в обществе надо возвращать с молодых лет: «Растёт маленькое дитя, а вместе с ним растёт в нём и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет

в нём большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама»³. Автор видит именно в чувстве совести, органично выращенном в человеке, рычаг всех положительных изменений в мире.

В сказке «Либерал», в которой также совмещаются и сатирическое начало, и глубоко трагическое, М. Е. Салтыков-Щедрин беспощадно высмеивает позицию либерала, который, казалось бы, ратует за «свободу, обеспеченность и самостоятельность»⁴ общества, но, по сути, подло подменяет все достойные понятия. Автор выстраивает сюжет в соответствии с изменениями позиций либерала, который, казалось бы, «не только благородно мыслит, но и рвался благое дело делать»⁵. Сюжет состоит в том, что автор последовательно разоблачает либерала, последовательно ищущего совета у сведущих людей, которые находят с либералом в постоянном диалоге и направляют его мысли и действия. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что действия либерала под влиянием сведущих людей, олицетворяющих власть, развиваются постепенно от одного принципа к другому: сначала «по возможности», «в пределах», потом «хоть как-нибудь», а потом «применительно к подлости». Обличая либерала, М. Е. Салтыков-Щедрин раскрывает лицемерие и лживость его идеалов.

Одним из основных мотивов сказки становится *мотив «размена»*. Подлость либеральной позиции состоит как раз в том, что, «чтобы сделать идеал общедоступным, необходимо разменять его на мелочи»⁶. С точки зрения автора, в этом и состоит трагичность существования такой позиции в обществе: постепенно и незаметно разменять благородную цель на подлые действия. Показательно, что в финале сказки на либерала плюнули из-за угла, в соответствии с его же образом действий «применительно к подлости». Таким обра-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 316.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 327.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 119.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 120.

зом автор показал общественное мнение в отношении либерала, в нём и презрение, и трусость одновременно: «Плюнуть ему на тебя за твои либеральные дела захотелось, а в глаза сделать это смелости не хватает. Вот он, «применительно к подлости», из-за угла и плюнул; а на тебя ветром брызги нанесло»¹. Внутренняя форма каждого слова в выражении [10, с. 182] создаёт особую метафоричность, одновременно выражающую программу жизни либерала и непримиримое отношение автора к ней.

Продолжая гоголевскую сатирическую традицию, М. Е. Салтыков-Щедрин для характеристики действий героя обыгрывает известные устойчивые выражения, например: «И начал либерал "в пределах" орудовать: там урвёт, тут урежет»². Очевидно, что в данном контексте выражение «"в пределах" орудует» созвучно с другим – «орудуют разбойники» (в словаре С. И. Ожегова слово «орудовать» имеет такое толкование: «Распоряжаться, действовать (обычно о скрытых и предосудительных действиях). *Здесь орудует опытный жулик*»³). Именно так и ведёт себя либерал.

Особенно трагично и одновременно саркастично звучит риторическое восклицание, выражающее суть либеральных действий в отношении савраса: «А с уздою – святое дело!»⁴ Образ савраса возникает в сказке эпизодически и олицетворяет образ народа, взятого в узду и получающего только кнут: «я тебя, саврас, кнутом шарашну... вот так!»⁵ Максимально полное разрешение этот мотив получил в сказке «Коняга». И. Б. Павлова пишет: «В этом произведении многоликое горе-злочастье проявляет себя как дурная бесконечность. Для писателя народ – жертва исторического злополучия, нищеты» [9, с. 43].

Образ народа раскрывается и в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Обобщённый образ мужика, который «везде есть»⁶, возникает во второй части сказки в тот момент, когда генералы отчаялись найти себе пропитание на острове. В названии произведения подчёркнута числовая антитеза: «*один* мужик *двух* генералов», – в которой автор акцентирует главный тезис, характеризующий мужика, – он всё может: и яблок собрать, и огонь развести, и силки сделать, и рябчика поймать, и напечь «разной провизии». В мужике автор отмечает трудолюбие, ловкость, смекалку, но при этом в сказке показана безропотность и покорность мужика. Значимой в этой связи деталью является верёвка, которой генералы мужика привязали. М. Е. Салтыков-Щедрин подчёркивает символичность этого образа: мужик сам без возражения делает себе верёвку, чтобы генералы могли его привязать. «Набрал сейчас мужичина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру верёвка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг, а сами легли спать»⁷.

Однако главным объектом сатиры становятся глупые генералы, которые ничего в жизни не умеют. Автор помещает своих героев на остров, чтобы максимально развёрнуто показать их глупость, никчёмность, неприспособленность, незнание жизни. В каждом элементе характеристики генералов не просто авторская насмешка – сарказм. Не случайно на необитаемом острове генералы оказываются в ночных рубашках и с орденами. Автор в буквальном смысле слова обнажает их, показывая неприкрытую мундирами глупость, беспомощность. Оказывается, что генералы не знают, как определить стороны света, нелепо решают писать доклад на необитаемом острове, не могут добыть себе никакого пропитания и даже по-звериному готовы броситься друг на друга.

Постоянно повторяющимся в сказке мотивом, характеризующим генералов, ста-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 123.

² Там же. С. 120.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/141054> (дата обращения: 09.07.2022).

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 120.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 313.

⁷ Там же. С. 314.

новится их принадлежность к регистратуре, в которой они служили. В контексте произведения регистратура олицетворяет бесполезность чиновничьей структуры: «Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли»¹. Чтобы усилить сатирический эффект, автор обращает внимание читателя, что один из генералов до регистратуры когда-то служил учителем каллиграфии, «следовательно, был поумнее» и предложил идти направо и налево. Тем самым ещё более заостряются и глупость героев, и бессмысленность регистратуры, в которой они служили.

Одним из основных приёмов сатиры в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина является использование явных алогизмов в характеристике героев, например: «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали»². Или после того, как генералы чуть не умерли с голоду, а мужик их накормил, они думают о том, «как оно хорошо быть генералами, нигде не пропадёшь»³.

Мотив «щедрости», также имеющий символический смысл, становится одним из самых показательных в сказке. Когда мужик трудится на генералов, он отдаёт им всё, оставляя себе лишь «одно кислое» яблоко. В этом М. Е. Салтыков-Щедрин видит судьбу всего русского народа: отдать господам всё наработанное, оставив себе лишь малость.

Автор показывает, что у генералов отсутствуют не только щедрость, но и малейшее чувство благодарности к мужику, который спас их от голодной смерти. Сначала автор саркастически замечает: «генералам пришло даже на мысль, не дать ли и тунеядцу частичку?»⁴, – а в финале сказки авторская горечь за несправедливое отношение к мужику-кормильцу проявляется в риторическом восклицании, символизирующем отношение ко всему

русскому народу: «Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!»⁵

В этом произведении, как и в большинстве других, М. Е. Салтыков-Щедрин традиционно использует сказочный зачин («Жили да были»), вплетает в ткань повествования обороты, характерные для народной сказки, например, «по щучьему велению, по моему хотению», «он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало», «на бобах разводить», «того ни в сказке сказать, ни пером описать». Такие приёмы позволяли автору «вписать» сатирические, гротесковые портреты реальной действительности в жанр сказки.

Ещё одним сквозным мотивом сказок и поводом осмеяния для автора является обращение героев к печатному слову как к центру просвещения и культуры. Так, в «Повести» генералы даже на острове постоянно читают старый номер «Московских ведомостей», в котором главной темой ставится «как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани»⁶. М. Е. Салтыков-Щедрин явно смеётся над современной автору журналистикой, интересы которой ограничиваются перечислением блюд на разных праздниках и приёмах.

В сказке «Дикий помещик» упоминается газета «Весть», которая становится одновременно характеризующей героя деталью и сюжетообразующим элементом. В начале сказки, знакомя героя с читателем, автор пишет: «И был тот помещик глупый, читал газету "Весть" и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое»⁷. Поставленные в один синонимический ряд элементы характеристики «был тот помещик глупый» и «читал газету "Весть"» становятся взаимодополняемыми: быть глупым и читать газету «Весть», с точки зрения автора, одно и то же. Именно прочитанное в газете «золотое слово» *старайся!* становится причиной невыносимого притеснения крестьян помещиком. Сатирически показывая влияние печатного слова на жизнь помещика, автор подчёрки-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 310.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Там же. С. 315.

⁷ Там же. С. 327.

вает, что прочитанное в газете для помещика важнее, чем воля Божья, поскольку «бог знал, что помещик глупый, и прошению его не внял»¹, и в газете с говорящим названием «Весть» глупый помещик находит то, что становится для него высшей вестью, своеобразным заветом, руководством к действию. Показательно, что автор акцентирует внимание читателя на том, что услышана Богом молитва не глупого помещика, а притесняемого народа: «Услышал милостивый бог слёзную молитву сиротскую, и не стало мужика на всём пространстве владений глупого помещика»². Этот мотив становится трагическим в контексте сказки, т. к. автор показывает, что лишь чудесное божественное вмешательство может облегчить жизнь русского мужика.

Мотив глупости в этой сказке, как и во многих других, становится ведущим. Глупым помещика называют абсолютно все герои: и мужики, и актёр Садовский, и генералы, и исправник. Автор таким образом подчёркивает, что глупость помещика заключается в его непонимании, что он живёт и процветает именно за счёт своих мужиков, которые обеспечивают ему счастливую, роскошную жизнь. Герой не только не может оценить, что «всего у него было довольно»³, а напротив, возмущён тем, что «много развелось в нашем царстве мужика!»⁴ Это и становится завязкой сюжета: старание помещика избавиться от мужика. Интересно, что и в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», и в сказке «Дикий помещик» М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что мотив глупости его героев носит определённый характер: они ничего не умеют, ни к чему не приспособлены, но при этом они более всего умны и догадливы именно в том, как притеснять и принуждать мужика. Генералы в буквальном смысле слова привязывают к себе мужика, чтобы он обеспечивал им сытую жизнь, а глупый помещик, напротив, решил так притеснять

мужиков, чтобы известить их. «Видят мужики, хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой»⁵. Авторская ирония по отношению к герою возникает за счёт «комбинаций слов с ярко выраженными коннотациями, в соседстве которых выявляют порой антонимичные смыслы» [8, с. 686].

Существенно расширяет содержание сказки и придаёт ей философское звучание упоминание о библейском герое Исае, с которым сравнивается уже одичавший без крестьян помещик: «Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав»⁶. «Исав» переводится как «волосатый». Это именование не просто усиливает портретную характеристику героя, но вводит в повествование библейский сюжет об Иакове и Исае, который променял своё право первородства на чечевичную похлёбку. Исае не оценил высшего дара первородства и обменял данное свыше благословение просто потому, что был голоден (Бытие 27: 1–46). Подобно библейскому Исаву, глупый помещик не оценил своего высшего права иметь крестьян, которые создают ему все блага, и добился исчезновения мужика, остался ни с чем, потерял человеческое лицо. Получается, что аллюзия на библейский сюжет становится своеобразной моралью сказки, придаёт ей философское звучание.

Кроме сатирических сказок, в которых героями являются люди, М. Е. Салтыков-Щедрин писал сатирические сказки, в которых действующими лицами являются животные. Эти сказки ещё более близки басням И. А. Крылова не только острой сатирой, но и способом характеристики героев через их соотнесение с тем или иным животным, и аллегоричным качеством, которое выражает суть этого героя. Сказки, в которых героями становятся животные, по сути, портретируют то или иное гиперболизированное качество, подлежащее сатирическому осмеянию. Так, например, зайцы в сказках «Самоотверженный заяц» и «Здравомысленный заяц» воплощают трусость перед властным хищником, олицетворяющим высшее начальство.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 327

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 327.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Самоотверженный заяц олицетворяет собой трусливого обывателя: «Жил он открыто, революций не пушал, с оружием в руках не выходил, бежал по своей надобности»¹. Он провинился перед волком и должен быть съеден. М. Е. Салтыков-Щедрин иронизирует и над ничтожными заячьими мечтами, и над заячьей трусостью: «Сидит заяц на задних лапках под кустом и не шевельнется»². Очевидно, что описание позы зайца на задних лапках дано метафорически и олицетворяет абсолютную унижительную покорность зайца «благородию» и той судьбе, которая ему уготована. Не случайно герой постоянно смотрит в сторону волчьего логова, в котором он видит «святыщеся волчье око», воплощающее для зайца высшую волю, вынесенную «резолюцию». Подтверждением этому становится лейтмотив сказки – постоянно повторяемая реплика волка: «А может быть... ха-ха... и помилую!»³

В сказке «Здравомысленный заяц» мотив глупой покорности перед вышестоящими ещё более усугубляется. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что здравомыслие зайца состоит в философских рассуждениях, объясняющих, почему зайцы подлежат съедению: «Всякому, говорит, зверю своё житьё предоставлено. Волку – волчье, льву – львиное, зайцу – заячье»⁴; «Сверх препорции всё равно не будут есть, а сколько надо – непременно съедят»; «он знал, что начальство, не выслушавши его, съест»⁵. В этой сказке лиса, как волк в сказке «Самоотверженный заяц», в буквальном смысле играет с зайцем, время от времени прикусывая его, а он даже не делает попыток спастись: «Несколько раз он вскакивал на ноги и уши на спину складывал; несколько раз он весь собирался в комок, намереваясь сделать какой-то дикий скачок, благодаря которому он сразу очутился бы вне преследования; но уверенность, что лиса, и не видя, всё видит,

приводила его в оцепенение»⁶. Авторская насмешка проявляется и в названии, и в строках произведения: «Хоть и обыкновенный это был заяц, а преумный. И так здраво рассуждал, что и ослу в пору»⁷.

Названия сказок, героями которых становятся животные, часто представляют собой не только имя персонажа, его основное качество, проявленное им в произведении, но и одновременно сюжетообразующий мотив и ироничную оценку автора: «Самоотверженный заяц», «Здравомысленный заяц», «Вяленая вобла», «Премудрый пискарь» и т. д. Так, например, в сказке «Вяленая вобла» М. Е. Салтыков-Щедрин разоблачает опасность позиции героини, у которой все внутренности вычистили, а голова подсохла. «– Как это хорошо, – говорила вяленая вобла, – что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести – ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывалили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!»⁸ Эпитет «вяленая», который указывает на сюжетообразующий элемент и причину особой «разумности» воблы, одновременно является явной авторской насмешкой. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что «воблушка», лишённая мозга и совести, «умом раскидывает» и всем советы даёт. Это сказка по идейному содержанию во многом близка сказке «Либерал».

В названии сказки «Премудрый пискарь» тоже насмешка, здесь автор иронизирует уже над премудростью пискаря, жизненное кредо которого выражалось словами: «Жил – дрожал, и умирал – дрожал»⁹. В основе этой сказки – мотив ума, который и становится предметом сатиры. Не случайно с самого начала повествования акцентируется, что «и отец и мать у него были умные», а «у молодого пискаря ума палата была»¹⁰. Мотив ума

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 340.

² Там же.

³ Там же. С. 341.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 111.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 338.

¹⁰ Там же. С. 334.

в данной сказке воспринимается как умение правильно, с точки зрения пискаря, прожить долгую жизнь. Показательно, что мотив ума иронично подчёркивается автором через обыгрывание устойчивых выражений. Так, усваивая поучения пискаря-отца, пискарь-сын их «на ус себе намотал». Или народная поговорка «Жизнь прожить – не поле перейти» трансформируется в сказке: «Жизнь прожить – не то, что мутовку облизать»¹. Более того, М. Е. Салтыков-Щедрин излагает жизненные позиции пискаря афористично, стилизуя их под народные поговорки: «Надо так прожить, чтоб **никто не** заметил»², «Ибо лучше **не** есть, **не** пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться»³, «**Ни** друзей у него, **ни** родных; **ни** он к кому, **ни** к нему кто»⁴. Показательно, что в характеристике пискаря последовательно используются отрицания. Этот приём ещё более позволяет подчеркнуть полный отказ героя от полноценной жизни, которую и жизнью назвать нельзя: «Он жил и дрожал – только и всего»⁵. Усиливается основной мотив отказа от жизни и риторическими вопросами и восклицаниями, в которых как раз звучит авторская ирония о *кажущейся* жизни пискаря: «**Кажется**, что я жив?», «Слава богу! **кажется**, жив!»⁶.

Рассуждая о пародийной форме в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Кубасов подчёркивает, что «это не средство и не форма литературной борьбы, а социально-политическая полемика с современностью» [2, с. 23]. Безусловно, можно говорить, что и сказки писателя стали частью этой полемики.

Лирически-философские сказки

В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина, кроме явной сатиры, иронии над героями, имеются и глубокий трагизм, и боль за происходящее, и философские размышления

над ключевыми нравственными проблемами смысла жизни, полноты её и справедливости, о свойствах души. В основе сказки «Приключение с Крамольниковым» трагическая судьба литератора, искренне служившего благородному делу, но отвергнутого, преданного вчерашними единомышленниками, страдающего от одиночества и пустоты. Жанр сказки М. Е. Салтыков-Щедрин обозначил как «сказка-элегия». Надо сказать, что третья группа сказок, которые условно можно назвать лирически-философскими, имеет особую, отличную от других, жанровую природу. Это сказки: «Приключение с Крамольниковым», «Рождественская сказка» и «Христова ночь». Заложенные уже в названии черты святочного рассказа, элегическое лирическое начало, которое педалируется автором, свидетельствуют об отступлении от явной сатиры, привычной читателю в других сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Все эти сказки имеют своеобразную двухчастную композицию, первая часть – лирически-философская, притчевая, а вторая – сюжетная. Так, сказка «Христова ночь» начинается с развёрнутого лирического пейзажа, «Рождественская сказка» начинается проникновенной лирически-философской притчей-проповедью, которую внимательно слушает мальчик Серёжа, а начало сказки «Приключение с Крамольниковым» – размышления героя о душе, о бытии и небытии.

В основе сказки «Приключение с Крамольниковым» лежит внутренний монолог героя, исследование своего внутреннего «я», природы собственного творчества и собственной души. Элегичность сказки в её глубокой исповедальности и метафоричности. Очевидна автобиографичность произведения, в которое автор вкладывает в размышления и образ мыслей своего героя собственные позиции, определяющие мировоззрение и поэтику самого художника. Так, в описании жизненного и творческого кредо героя усматриваются основы творчества самого автора: «он глубоко любил свою страну, любил её бедноту, наготу, её злосчастье. Быть может, он усматривал впереди чудо, которое

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 336.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

уймёт снедавшую его скорбь»¹; «Живость боли и непрерывное её ощущение служили источником живых образов»².

Автор даёт герою говорящую фамилию, в которой угадывается официальная оценка его литературной деятельности, подчеркнутая в реплике одного из либералов: «похоронили-таки вас, голубчик! живо!»³ М. Е. Салтыков-Щедрин, давая характеристику деятельности Крамольникова, вводит в сказку явную аллюзию на евангельский текст: «Все силы своего ума и сердца он посвятил на то, чтобы восстанавливать в душах своих присных представление о свете и правде и поддерживать в их сердцах веру, что *свет придёт и мрак его не обнимет*. В этом, собственно, заключалась задача всей его деятельности»⁴. Совершенно очевидно, что в этой характеристике заложены слова Евангелия «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5). Получается, что герой М. Е. Салтыкова-Щедрина ставит перед собой самые высокие просветительские идеи, своей деятельностью несёт свет и надежду людям.

В «Рождественской сказке», как и в сказке «Христова ночь», написанных в жанре святочного рассказа, автор вновь обращается к евангельским заповедям, размышляет о Правде, Любви к Богу и ближнему своему. Однако трагедия сказки в том, что священные слова, сказанные в церкви в рождественский вечер, оказываются для мальчика Серёжи несбыточной мечтой, сказкой. В реальной жизни он сталкивается с тем, что все взрослые говорят только о разнице между словами, сказанными в церкви, и реальными обстоятельствами, в которых, по мнению Серёжи, нет Правды. Чистое сердце ребёнка разрывается от того, что воспринятое божье слово не становится Правдой в жизни людей. Особый трагизм этого произведения в том, что рождественского чуда не происходит, на-

против, утрачена надежда на торжество Правды на земле.

Лирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина наполнены трагизмом, болью автора за ту действительность, в которой оказываются его герои. Мотив предательства и отречения от истины, становится ведущим во всех сказках. Несмотря на то, что в названии этих произведений, казалось бы, есть отсылка и на определение жанра (сказка-элегия, предание), но каждая из сказок имеет сложную жанровую структуру, вмещающую в себя и элегичность, и притчевость, и элементы святочного рассказа, включающего мотив чуда, по-разному реализующийся во всех сказках, и аллюзии на евангельские тексты, по-особому наполняющие содержание произведений, и лирическое начало, и глубокий драматизм сюжетов. Кроме того, Н. В. Ковтун рассматривает на материале романа «История одного города» образ утопии, однако вполне можно говорить и о том, что эта стилевая черта проявилась и в сказках писателя [13, р. 1050].

Конечно, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина очень непохожи друг на друга, особенно если сравнивать сатирические сказки и лирически-философские. Однако все они наполнены искренней любовью автора к своей стране и своему народу и глубоким желанием сделать жизнь лучше.

Заключение

Итак, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которых органично переплетаются традиции и русских народных сказок, и басен И. А. Крылова, и сатиры Н. В. Гоголя, представляют собой уникальный жанр, в котором не только сатирически рельефно выведены социальные пороки, представители разных сословий, над которыми смеётся автор, но и горькая, трагичная картина реальной жизни. Очевидно, что щедринская сатира, как и гоголевская, – это смех сквозь слёзы. Именно трагичность мировосприятия во многом определяет своеобразие стиля писателя, характер его сатиры, выбор художественных средств для её выраже-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 160.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 160–161.

ния. Жанр сказки позволяет одновременно обнажить социальные пороки, высмеять и обличить их, но в то же время отчасти спрятать от читателя глубочайшую боль писателя за несовершенство мира. Кроме того, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина имеют глубокую философскую основу. Автор приглашает читателя к размышлениям о смысле жизни, о том, что в жизни есть много несовершенного и трагичного.

Е. М. Гаршин в статье «Русский Свифт. 23 сказки» писал о М. Е. Салтыкове-Щедрине: «Он пластично живописует ха-

рактеры, запечатлевая их в образах, глубоко верных действительности ... Но художественность и живость содержания – лишь одна блестящая сторона таланта Щедрина. Вторым выдающимся его свойством является дивный язык, в гибкие обороты облакающий самые ядовитые и резкие суждения о современности, которые принимают в его авторской речи характер изящных, отчеканенных и легко укладывающихся в памяти речений»¹.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудзова Я. О. Жизнь «под игом безумия»: жанр сказки в творчестве И. С. Шмелёва и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 8 (161). С. 184–188.
2. Кубасов А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс. 2011. № 26. С. 23–26.
3. Кудряшова А. А. Своеобразие приёмов «словесной» живописи в русской автобиографической прозе: икона-портрет-карикатура // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (26). С. 94–99.
4. Кудряшова А. А. Стилистическое своеобразие автобиографической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина: пространство Дома // Обсерватория культуры. 2013. № 4. С. 116–121.
5. Кулашкина Р. А., Култышева О. М. Жанровая специфика «сказок для взрослых» (на материале «Сказок для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Солдатских сказок» Саши Чёрного). Уфа: Аэтерна, 2020. 85 с.
6. Лардыгина О. А. Тема одиночества в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2019. 22 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010. 415 с.
8. Морозова Т. В., Макаренко Л. В. Лексический состав и функционал языка М. Е. Салтыкова-Щедрина в цикле «Сказки для детей изрядного возраста» // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 684–688.
9. Павлова И. Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 50 с.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
11. Радионова Н. В. Принципы и формы сюжетосложения в поэтике М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2004. 28 с.
12. Сакулин П. Н. Филология и культурология. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
13. Kovtun N. V. On the Ruins of the Crystal Palace or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 4. № 7. P. 1045–1057.

REFERENCES

1. Gudzo Ya. O. [Life “Under the Yoke of Madness”: The Fairy Tale Genre in the Works of I. S. Shmelev and M. E. Saltykov-Shchedrin]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2021, no. 8 (161), pp. 184–188.
2. Kubasov A. V. [M. E. Saltykov-Shchedrin as a Mirror of Russian Postmodernism]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2011, no. 26, pp. 23–26.

¹ Гаршин Е. М. Русский Свифт. 23 сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1989. С. 499.

3. Kudryashova A. A. [The Originality of the Methods of “Verbal” Painting in Russian Autobiographical Prose: An Icon–Portrait–Caricature]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2013, no. 5 (26), pp. 94–99.
4. Kudryashova A. A. [The Stylistic Originality of the Autobiographical Prose of M. E. Saltykov-Shchedrin: The Space of the House]. In: *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2013, no. 4, pp. 116–121.
5. Kulashkina R. A., Kultysheva O. M. *Zhanrovaya specifika “skazok dlya vzroslykh” (na materiale “Skazok dlya detei izryadnogo vozrasta” M. E. Saltykova-Shchedrina i “Soldatskikh skazok” Sashi Chernogo)* [Genre Specifics of “Fairy Tales for Adults” (On the Material of “Fairy Tales for Children of a Fair Age” by M. E. Saltykov-Shchedrin and “Soldier’s Tales” by Sasha Chernyi)]. Ufa, Aeterna Publ., 2020. 85 p.
6. Lardygina O. A. *Tema odinochestva v khudozhestvennom mire M. E. Saltykova-Shchedrina: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [The Theme of Loneliness in the Artistic World of M. E. Saltykov-Shchedrin: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2019. 22 p.
7. Losev A. F. *Dialektika khudozhestvennoi formy* [Dialectics of Artistic Form]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2010. 415 p.
8. Morozova T. V., Makarenko L. V. [Lexical Composition and Functionality of the Language of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Cycle “Tales for Children of a Fair Age”]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University], 2021, no. 6 (39), pp. 684–688.
9. Pavlova I. B. *Problema russkoi natsional'noi sud'by v tvorchestve M. E. Saltykova-Shchedrina: khudozhestvennyi, obshchestvenno-istoricheskii, dukhovnyi aspekty: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The Problem of Russian National Destiny in M. E. Saltykov-Shchedrin’s Work: Artistic, Socio-Historical, and Spiritual Aspects: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2012. 50 p.
10. Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 614 p.
11. Radionova N. V. *Printsipy i formy syuzhetoslozheniya v poetike M. E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles and Forms of Plot Composition in the Poetics of M. E. Saltykov-Shchedrin]. Kolomna, 2004. 28 p.
12. Sakulin P. N. *Filologiya i kul'turologiya* [Philology and Cultural Studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 240 p.
13. Kovtun N. V. On the Ruins of the Crystal Palace or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin). In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2011, vol. 4, no. 7, pp. 1045–1057.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, ведущий эксперт Московского центра качества образования;
e-mail: kolosovacn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Kolosova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Leading Expert, Moscow Center for the Quality of Education;
e-mail: kolosovacn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колосова С. Н. Стилевое своеобразие сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 67–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78

FOR CITATION

Kolosova S. N. Stylistic Originality of M. E. Saltykov-Shchedrin’s Tales. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 67–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78